

ТРИСТА пятьдесят лет минуло с того дня, как родился Жан Батист Поклен — Мольер. Но как было сказано В. Велинским, творец «Тартюфа» не может быть забыт. Первое место в современном ему искусстве было признано за ним при жизни.

Пройдет сто лет, и Гёте уверенно скажет о Мольере: «Да, прямой человек, в нем не было ничего неискреннего, изломанного, при всем том такое величие! Он господствовал над нравами своего времени».

И еще через сто лет будут произнесены замечательные слова Льва Толстого: «Мольер едва ли не самый всенародный и потому прекрасный художник нового искусства». А в недавние годы Ромен Роллан скажет о мольеровских комедиях: «Это, по-видимому, действительно народные произведения по широте рисунка, по здоровой веселости, которой веет от них».

Творчество Мольера родилось на гребне общего подъема французского искусства, приобретшего впервые за свою историю мировое значение.

Великое наследие Мольера, став звеном между двумя крупнейшими эпохами в развитии культуры — эпохой Возрождения и эпохой Просвещения, одновременно предвосхитило некоторые основные принципы критического реализма.

Одна, но пламенная страсть заполнила душу Мольера — любовь к театру. Вспыхнув в самые юные годы, она осветила всю нелегкую жизнь поэта вплоть до последнего его часа. Детские годы Жана Батиста были омрачены смертью матери, и у мальчика, может, только и было радости, что толкаться вместе с делом перед полмостками ярмарочных комедиантов. Пытливый ум юноши искал духовную пищу и в других сферах литературы и философии.

После окончания коллежа у Жана Батиста Поклена открылись радужные перспективы — он наследовал у отца почетную и прибыльную должность королевского обойщика и к тому же мог стать адвокатом. Но любовь к театру заставила юношу решительно отвергнуть все это. Организовав в 1644 году вместе с другими любителя-

ми труппу, Ж. Б. Поклен взял себе имя Мольер.

Величайший драматург Франции начал как актер и оставался актером всю свою жизнь. Быть на подмостках — значило для Мольера разить ало и радовать души простых людей. Единство писательского и актерского творчества — характернейшая черта гения Мольера, видевшего в живых контактах со зрительным залом главные источники своего вдохновения. И если первый парижский сезон кончился для молодой труппы крахом,

новым победам. В «Сганареле, или Мнимом рогоносце» фарсовый герой зажил человеческими чувствами, в «Школе мужей» комедия положений оказалась обогащенной значительной этической проблемой, в «Докучных» Мольер сделал решительный шаг в сторону «природы» и стал учиться рисовать свои сатирические типы с натуры.

Открытие Мольера заключалось в том, что была создана «высокая комедия», новый комедийный жанр классицистского театра, представ-

МОЛЬЕР

К 350-летию со дня рождения

то последовавшие за тем двенадцать лет работы в провинции были временем, когда Мольер раскрыл свой искрометный талант комика и принялся трудиться как писатель. Его первым любимым героем стал слуга Маскариль из комедии «Шалый». В этом образе и по сей день пульсирует буйная эмоциональная сила, искрится живой ум, в нем явственно ощущим артистизм мольеровского творчества, тот народный источник комической поэзии, который, забив однажды, уже не иссякнет...

Когда труппа Мольера вернулась в Париж — было это в 1658 году, — ее благосклонно приняли в Версале, но судьбу театра решили не столько король и двор, сколько простые парижане, плененные ярким и дерзким искусством Мольера.

Комедия, служившая до сих пор по преимуществу средством развлечения, получила важнейшую общественную функцию. «Цель комедии состоит в изображении человеческих недостатков, и в особенности недостатков современных нам людей» — с таким девизом Мольер начал свою великую реформу комического театра.

Драматург встречал на своем пути множество преград, но это лишь удесятерило его порывы к борьбе. Он знал счастье полного, ошеломляющего успеха. И сотворенное им вело его все к

ленный «Тартюфом», «Дон Жуаном», «Мизантропом» и другими шедеврами, открывшими путь для развития мировой драматургии.

В первый раз комедия «Тартюф» была сыграна 12 мая 1664 года на версальском празднике, устроенном Людовиком XIV. Били фонтаны, фейерверки озаряли небо, играла музыка. Беспорочно разыгрывались комедии, выступали певцы, танцоры, гимнасты. И вместе с ними участвовали в балетном выходе сам король и его приближенные.

И вдруг среди всех этих увеселений и волшебств, словно гром грянул — Версаль увидел новую комедию Мольера.

Пьеса была воспринята как неслыханная дерзость, особенно разгневалась королева-мать Анна Австрийская, старая ханжа, вокруг которой группировалась наиболее реакционно настроенная часть двора. Предельно обозлены были и церковники и, конечно, члены Общества святых даров — организации, выполнявшей функцию тайной полиции и состоявшей главным образом из членов иезуитского ордена. Раздражение влиятельных персон было особенно велико потому, что в фигуре Тартюфа угадывался не только иезуит, но и агент общества. Комедия тут же была запрещена. В официальном отчете указывалось:

«Величайшая шепетильность короля в вопросах религии не могла вынести этого сходства между пороком и добродетелью, которые могли быть приняты один за другую».

Правильно чуя в Мольере своего злейшего врага, церковники обрушили на его голову самые страшные проклятия. Но Мольер был не из тех людей, которых можно было легко запугать, — он настойчиво добивался постановки своей комедии. Комедиант бесстрашно писал королю: «Тартюфы сумели исподтишка втереться в милость к вашему величеству, и вот оригиналы добились запрещения копии».

Только пятилетней упорной борьбой Мольер добился снятия запрета со своей крамольной комедии. И настал, говоря словами Мольера, день «великого воскресения «Тартюфа». Впервые с театральных подмостков Франции был обличен иступленный деятель реакции — лжепророк и тайный агент общества святош, рыцарь стяжатель.

Страшная чума лицемерия, царившая в обществе, провизила и в дом Оргона. Наивный и до глупого доверчивый буржуа принимает демагогию Тартюфа за чистую монету. Загипнотизированный ханжой, Оргон уже и себя чувствует подвижником и носителем высшей благодати; так, ради «блага неба» он изгоняет из дома составившего против Тартюфа сына, готов отдать дочь в жены Лицемеру и делает его наследником всего своего имущества. А Тартюф тем временем напештывает Эльмире — жене своего друга:

Едва встречаю вас,
как снова я и снова
Чту в вашем облике
творца всего живого.

Но Тартюф не только носитель ханжеской морали, он ее подлинный идеолог, проповедующий теорию двуличия. Все их деяния — во имя «благих целей», и поэтому на них молятся толпы доверчивых оргонов. На примере религиозного ханжества Мольер обличал гнусную механику любого — и политического, и морального — приспособленчества.

Смелыми ударами по порокам дворянского общества были и две последующие ко-

медии драматурга, написанные им в самый разгар борьбы за «Тартюфа». В «Дон Жуане» огнями рампы была высечена фигура знатного дворянина, на каждом шагу творящего зло.

Комедия подверглась самой ожесточенной критике и через несколько представлений была с репертуара снята. Но на сцену поднялся герой новой комедии «Мизантроп» — Альцест, и в лицо блаженствующим тартюфам и дон жуанам были брошены бесстрашные стихи:

Лишь посмотри кругом,
как род людской живет!
Везде предательство,
измена плутни, лживость,
Повсюду гнусная
царит несправедливость.

С такой речью Альцест обращался к своему приятелю Филинту, стороннику трусливого примиренчества и ловких компромиссов. «Здравый смысл» указывал Филинту на безнадёжность борьбы против пороков, гнездящихся в обществе, и он полагал, что разумней, охраняя себя от дурных проступков, жить, принаравливаясь к обществу, и не замечать окружающего зла.

Вслед за «Мизантропом» Мольер пишет «Скупого» с центральным образом скряги Гарпагона, по силе сатирического накала сопоставимого только с фигурой Лицемера. Отныне обличение уродующей силы денег становится важнейшей стороной творчества Мольера. В «Мещанине во дворянстве», как и в предшествовавшем «Мнимом больном», драматург продолжает выискивать новых «хозяев жизни» — разжиревших самодовольных буржуа. И действуют в этих пьесах люди из народа, веселые слуги. Укоряя и стыдя своих господ, они, может быть, в чем-то и нарушали бытовую правду взаимоотношения челяди и хозяев, но зато великолепно передавали дух протеста, смелость и здравость народных суждений, насмешку и презрение к власти имущим.

Именно отсюда, из самых истоков народного оптимизма, рождалась упрямая вера драматурга в конечную победу над носителями зла, отсюда рождалась вдохновенное бесстрашие Мольера.

Г. БОЯДЖИЕВ,
профессор, доктор искусствоведения.

15 янв 1912

Н. М. Мольер
Г. МОСКВА